

ПРИМЕНИМОСТЬ ПОНЯТИЯ РЕВОЛЮЦИИ К РЕФОРМАМ АГИДА, КЛЕОМЕНА И НАБИДА В СПАРТЕ

1. Отмечалось, что история эпох, предшествующих Новому времени, предполагает диалог между нынешними историками и предметом их исследования. Действительно, интерпретация античной истории заключается в применении категорий социологии к явлениям, происходившим в принципиально иных условиях. Эта процедура просто неизбежна, поскольку античную историю нельзя постичь с помощью современных ей терминов. Эти обстоятельства еще более усугубляются, когда историки пытаются понять факты, тесно связанные с идеологией, например, революции.

В данной статье я попытаюсь охарактеризовать реформы, которые проводили в Спарте Агид, Клеомен и Набид в 242–192 гг. до н.э., а также рассмотреть, каким образом историкам античности следует применять к ней современные понятия. Я неоднократно доказывал, что Плутарховы жизнеописания Агида и Клеомена, важнейший источник по реформам этих царей, нельзя принимать на веру¹, и поэтому также попытаюсь показать, что, даже если считать надежными сомнительные свидетельства Плутарха, понятие революции плохо подходит для определения этих реформ, равно как и реформ Набида.

Я начну с напоминания наиболее значимых фактов. Согласно Плутарху, Агид IV, царь из династии Еврипонтидов в уникальной спартанской диархии, отменил долги, но был убит, ничего более не достигнув. Тот же биограф сообщает, что через 15 лет Клеомен III, царь из династии Агиадов, не только вновь аннулировал долговые обязательства, но и осуществил аграрную реформу, разделив землю между 4500 спартиатами, большинство из которых получили этот статус в ходе реформы. Наконец, спустя почти 30 лет анархии и смуты появился самозванный царь Набид, проводивший те же реформы, что и Клеомен. Кроме того, он принудил жен и дочерей лишенных имущества богатых землевладельцев вступить в брак с лицами, получившими их собственность².

Чтобы как-то осмыслить эту информацию, необходимо использовать современные понятия. Конечно, у древних греков были свои слова и понятия для их истолкования;

¹ *Lacy R.M.* Plutarco de Queronea. *Vidas de Agis y Cleómenes*. México, 1987. P. XXXI–XLIII.

² Ср. *Marasco G.* *Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene*. V. 1–2. Roma, 1981 (с моей рецензией: *Nova Tellus*. 1985. 3. P. 273–294); *Lacy. Plutarco...; Cartledge P., Spawforth A.* *Hellenistic and Roman Sparta. A Tale of Two Cities*. L., 1989. P. 38–90.

они пытались постичь вышеупомянутые реформы используя такие термины, как *metabole*, *metastasis*, *neoterismos*, *neotera pragmata*³. Однако, хотя невозможно отрицать необходимость знания значения этих слов и выражаемых ими концепций, ясно, что они использовались современниками событий с целью понять их в категориях древнегреческой культуры. Нет нужды говорить, что с тех пор прошло более двух тысяч лет, и историки XX века, даже если попытаются, не смогут понять мир таким же образом, как греки эпохи эллинизма⁴. Более того, поскольку спартанские реформы воспринимались и изображались как самый яркий пример революции в эллинистической Греции⁵, кажется, заслуживает рассмотрения вопрос: как в данном случае используются это слово и понятие и каковы последствия этого для нашего восприятия событий, памятуя о том, что, по словам Финли, в истории нет верных и неверных определений, а лишь полезные и бесполезные⁶.

В общем и целом слово «революция» употребляется в двух основных значениях: одно из них определенное и узкое, другое – расплывчатое и широкое. В первом смысле оно означает свержение режима (а не только правительства) массами и его замену новым; средства и цели этих действий являются освободительными⁷. Во втором смысле – это любая структурная и внезапная перемена, не обязательно политическая. Учитывая соответствующий характер этих словоупотреблений, первое из них должно быть в гораздо большей степени ограничительным и, как я считаю, полезным в герменевтическом отношении; второе, хотя оно и не обязательно ненаучно, может привести к банальности. При использовании первого значения существенно противопоставление революции реформе или контрреволюции; при использовании второго вообще нет противопоставления, а есть лишь нюансы.

Главная задача данной работы – показать, насколько помогает применение обоих значений нашему пониманию вышеупомянутых реформ в Спарте. Имея в виду эту цель, изложение будет сосредоточено на участии различных социальных слоев в реформах и на их результатах для свободы спартиатов, перизков и илотов. Также будет необходимо принимать в расчет идеологию, в частности, то, что Франсуа Олье назвал «спартанским мифом», т.е. легенду о Ликурге⁸. Чтобы сделать изложение более ясным, я буду говорить о реформах в хронологической последовательности, рассматривая по очереди деятельность каждого из царей.

2. Агид IV, по словам Плутарха, осуществил кассацию долгов в 242 г. до н.э.⁹ Как, по его мнению, это произошло? Спарта в то время находилась в упадке и серьезно отклонилась от Ликурговой конституции, что привело к недостатку свободы даже для лучших¹⁰. Но, вопреки всеобщему разложению, Агид в силу своего благородства

³ Так удобно сгруппировали эти термины Пол Картледж и Энтони Спифорт (Op. cit. P. 39).

⁴ Критику классицизма, претендующего на противоположную точку зрения, см. *Canfora L. Ideologie del classicismo*. Torino, 1980. О Спарте как предмете идеализации в Новое время см. *Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought*. 2 ed. Oxf., 1991.

⁵ Достаточно упомянуть работы: *Walbank F.W. The Hellenistic World*. L., 1981. P. 170 (мне осталось недоступным второе издание); *Meier Ch. Revolution in der Antike // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner et al. Bd 5. Stuttgart, 1972. S. 657; Cartledge, Spawforth*. Op. cit. P. 39–40.

⁶ *Finley M.I. Social Revolution in Antiquity // Revolution in History / Ed. R. Porter, M. Teich. Cambr., 1986. P. 47.*

⁷ Я развиваю здесь определение революционного, принадлежащее Кондорсе, – «революционный дух есть дух, склонный к созиданию, к свершению революции во имя свободы»: *Condorcet M.J.A.C., marquis de. Sur le sens du mot révolutionnaire // Idem. Oeuvres / Ed. par A. Condorcet-O'Connor, M.F. Arago. V. 12. P., 1847. P. 615 suiv.* (перепечатано: Stuttgart, 1968). Цит. по: *Koselleck R. Die französische Revolution und ihre zeitgenössische Rezeption in Deutschland // Geschichtliche Grundbegriffe... S. 733.*

⁸ *Ollier F. Le mirage spartiate. V. 1–2. P., 1933–1943* (перепечатано в одном томе в Нью-Йорке в 1973 г.).

⁹ Лично я сомневаюсь в достоверности Плутарха как источника, но в свете вышесказанного в интересах аргументации принимаю здесь его свидетельство дословно.

¹⁰ *Plut. Agis. 3.1*: С. Напомню, что в полисе в целом и особенно в спартанском полисе конституция включала в себя как общественную культуру, так и образ жизни.

усвоил Ликурговы обычаи и стал вести строгую жизнь. Затем он предпринял попытку восстановить традиционную конституцию, вышедшую из употребления. С этой целью юный царь – а ему было лишь 20 лет – начал испытывать настроения людей (anthropoi, *Plut. Agis.* 4; 6.1). Этим словом Плутарх, должно быть, обозначает ту сотню спартиатов, которая, как он отмечал ранее (5.6), все еще владела землей¹¹. Действительно, из слов Плутарха можно заключить, что эти люди были единственными гражданами, на которых можно было рассчитывать. Далее биограф Агида делит эту группу на две: молодежь и старших¹². Первые были готовы пойти на лишения ради свободы (6.1), но вторые были уже развращены и поэтому совершенно не желали возвращаться к Ликургову строю. Только трое из них встали на сторону царя Еврипонтида, но один из них, дядя Агида с материнской стороны Агесилая в действительности не являлся его убежденным приверженцем и присоединился к своему племяннику лишь под давлением своего доблестного сына Гиппомедонта. Хотя Плутарх ничего не говорит по этому поводу, похоже, что этот сын должен был принадлежать к спартанской молодежи.

Следующий шаг заключался в том, чтобы убедить мать Агида; эта задача лежала как на ее сыне, так и на ее брате. Царь склонил свою мать встать на его сторону, доказывая, что задуманная им реставрация принесет ему такую же славу, какую имеют другие – богатые – цари. Здесь он мог иметь в виду только тех царей, которые унаследовали власть Александра в Македонии, Сирии и Египте. Поскольку этот довод оказался убедительным, мать и бабка Агида обратились к своим друзьям и к спартанским женщинам¹³. Должно быть, эти женщины были либо женами сотни землевладельцев, либо вдовами из той же группы, поскольку, согласно Плутарху, они владели большей частью земли. По своему неведению прекрасного (apeirokalia) они не только отвергли этот план, но и обратились к другому царю, Леониду II из династии Агиадов. Последний, будучи старшим царем, был способен предотвратить восстановление старинных обычаев.

Леонид, боясь, что народ окажется на стороне его коллеги, не выступил против него открыто, а снесся с должностными лицами и оклеветал Агида, заявляя, что тот хочет разделить собственность богатых только для того, чтобы стать тираном. Это (7.8.) первый в жизнеописании намек на аграрную реформу, которая принимается Плутархом как что-то само собой разумеющееся, поскольку она была одним из ключевых элементов «спартанского чуда», в который он верил.

Агид, со своей стороны, добился избрания эфором своего сторонника Лисандра. Новый эфор в свою очередь предложил геронтам (членам совета старейшин) закон (ghetra), который предполагал отмену долгов, передел земли, увеличение числа граждан до 4500 (за счет периеков и чужеземцев) и восстановление совместных трапез. Так как геронты не смогли достичь согласия, Лисандр созвал народное собрание (*Plut. Agis.* 8). На собрании Агид и члены его группировки обещали народу передать в его распоряжение все свое имущество. Спартиаты, с энтузиазмом отозвавшись на этот акт щедрости, вызвали зависть Леонида, которому оставалось только противостоять своему соправителю. Поэтому он нанес ответный удар, обратив спартанский мираж в свою пользу, и спросил, когда же это Ликург отменял долги или

¹¹ По запутанному вопросу о землевладении в эллинистической Спарте см. *Lacy. Plutarco...* P. XLVI–L.

¹² *Plut. Agis.* 6.1–6. В той мере, в какой Спарта могла быть обычным эллинистическим полисом, – а это невозможно определить, – молодые люди (hoi neoi) должны были составлять нечто вроде клуба. Многочисленные примеры таких клубов можно найти в хрестоматии: *Austin M.M. The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. A Selection of Ancient Sources in Translation.* Camb., 1981 (см. указатель). Для классического периода известны кригтии. Ср. *Jeanmaire H. Couroi et courètes. Essai sur l'éducation spartiate et sur les rites d'adolescence dans l'antiquité hellénique.* N.Y., 1975 (перепечатка первого издания, вышедшего в Лялле в 1939 г.); *Vidal-Naquet P. Le chasseur noir. Formes de pensée et formes de société dans le monde grec.* P., 1981. P. 161–163.

¹³ *Plut. Agis.* 7.1–4. Судя по тому, что Плутарх говорил ранее (6.7), по крайней мере некоторые из этих друзей находились по отношению к матери Агида в положении, сходном с римской клиентелой.

делал чужеземцев гражданами (Plut. Agis. 9.1–10.3). Таким образом, было показано, что, как и любой идеологический мираж, этот тоже может быть использован для любой политической цели. Царь Еврипонтид упрекнул своего противника в невестстве, которое он приписал тому обстоятельству, что тот долго жил при сирийском дворе и даже вступил в брак с тамошней женщиной. Он присовокупил и некоторые другие контрдоводы (Plut. Agis. 10. 4–7). Хотя масса поддержала реформаторов, а богачи – консерваторов, последние одержали верх с перевесом в один голос.

Тогда группировки перешли к взаимным обвинениям и еще худшим средствам. Реформаторы сместили Леонида и поставили Клеомброта; затем последний вместе с Агидом отстранили эфоров от их должностей и назначили новых. Позже цари вооружили молодежь, а Леонид ушел в изгнание (Plut. Agis. 11–12).

Агесилай, ставший к этому времени одним из новых эфоров, имел большую задолженность, но владел землями и был скуп. Поэтому он убедил своего племянника в первую очередь отменить долги под тем предлогом, что освобожденные от обязательств должники в знак благодарности присоединятся к его группировке. Лисандр и его сторонники согласились с этим; в результате долговые расписки были сожжены на агоре, а передел земли отложен. На следующий год спартиаты, недовольные злоупотреблениями Агесилая, призвали назад Леонида. Народ перешел на его сторону, чувствуя себя обманутым, поскольку земля не была поделена. Это в конечном счете стоило Агиду жизни (Plut. Agis. 13–21).

Следует отметить, что в ходе всех этих событий об участии народа сообщается лишь в двух случаях – когда он поддержал Агида в проведении кассации долгов и когда он согласился возратить Леонида. Все остальное состоит из интриг внутри спартанской элиты, интриг такого рода, что их нельзя считать политикой. Можно определенно заключить, что строгая концепция революции неприменима к данной ситуации. А как обстояло дело с Клеоменом?

3. В отличие от Агида этот царь известен не только по сообщению Плутарха, но и из «Истории» Полибия¹⁴. Однако историк интересуется прежде всего Клеоменовой войной, а не частью внутренних реформ Клеомена; он лишь дает понять, что считает спартанского царя не реформатором, а тираном (II. 47. 3). Поэтому единственным источником опять же остается сомнительное свидетельство Плутарха. Во всяком случае, согласно этому философу, сочинявшему биографии (или «жизнеописания», как их вполне уместно называл он сам), Леонид, незаконно казнив Агида, выдал его вдову замуж за своего сына Клеомена. Эта женщина сделала своего молодого мужа сторонником реставрационной программы Агида, поскольку Клеомен был честолюбив и великодушен¹⁵.

Став царем, Клеомен решил воплотить свои идеи в жизнь. Он начал с расспросов влюбленного в него Ксенара об Агиде, хотя он и сам еще застал попытку сопровителя своего отца восстановить Ликургов строй¹⁶. Как бы то ни было, Ксенар вначале с готовностью отвечал, но позже, заметив энтузиазм, проявляемый его возлюбленным, предпочел разорвать с ним отношения. Тогда Клеомен, считая, что война облегчит осуществление его планов, развязал военные действия с извечными врагами спартанцев – ахейцами. Когда после нескольких поражений лакедемоняне пали духом и эфоры выступили против войны¹⁷, молодой Агиад решил возвратиться в Спарту

¹⁴ Павсаний, предположительно, также упоминает Агида (II.8.5; VII.7.3; VIII.10.5–8; 27.13–14), но то, что он рассказывает о нем, настолько радикально противоречит изложению Плутарха, что обе версии исключают друг друга.

¹⁵ Plut. Cleom. I; честолюбие является лейтмотивом жизнеописаний Агида и Клеомена.

¹⁶ Ibid. 3.1–4. Действительно, если, как предполагается в «Der Kleine Pauly» (статья «Kleomenes 6»), он родился около 260 г. до н.э., ему было уже 19 лет в момент смерти Агида. В классическую эпоху наследники царей не проходили через систему криптий, но, возможно, к эллинистическому периоду они уже могли присоединяться к молодежи.

¹⁷ Ibid. 3.6–5.2. Следует помнить о том, что в спартанских войнах участвовали как спартиаты, так и перизки.

наследника Еврипонтидов – Архидама, брата Агида, чтобы взять верх над эфорами, как это ранее сделали Агид и Клеомброт¹⁸. Поскольку я неоднократно анализировал этот пассаж, один из самых противоречивых у Плутарха, я не буду вновь разбирать его¹⁹; достаточно сказать, что Архидам был убит при неясных обстоятельствах, не успев достигнуть Спарты, а новый царь-реформатор с помощью денег сломил нежелание некоторых из эфоров продолжать войну, что, кстати, он мог сделать и раньше без помощи Архидама.

Как мать Агида помогала своему сыну, так и Кратесиклея, мать Клеомена, помогла своему, убедив неподкупленных эфоров позволить монарху²⁰ вести войну. Она пошла даже на то, чтобы вступить в брак с неким Мегистоном (Plut. Cleom. 6.1–2). После победоносного столкновения с ахейцами Клеомен, собравшись в духом, заявил своему отчиму, что необходимо избавиться от эфоров, затем разделить имущество между спартиатами и таким образом восстановить спартанскую гегемонию в Греции. Несмотря на явное безрассудство этой последней идеи, Мегистоном был убежден и даже привлек к заговору – а это был именно заговор – «двух-трех друзей» (Plut. Cleom. 6.3–7.2).

В результате этих событий Клеомен набрал войско из числа тех граждан, которые, как он подозревал, могли стать противниками его планов. Затем он водил их по всей Аркадии и довел до такой степени истощения, что в один прекрасный момент они сами попросили его оставить их на месте. Коварный царь, взяв наемников, двинулся в Спарту, сообщив о заговоре своим доверенным лицам, остававшимся там (Plut. Cleom. 7.5). Достигнув родного города, он послал вестника, чтобы отвлечь эфоров, сидевших за трапезой, а затем с четырьмя сторонниками и несколькими наемниками напал на них и перебил всех, кроме одного (Plut. Cleom. 8). На следующий день Клеомен обнародовал список 80 спартиатов, которых следовало изгнать из полиса, а затем созвал народное собрание. На нем, как сообщает Плутарх, он оправдывал кровопролитие, объявив эфорат учреждением, не имеющим отношения к Ликургу, и обвинив эфоров в злоупотреблении своими полномочиями. Он заявил, что его цель – очистить Спарту от занесенных извне зол, главными из которых являются богатство и бедность. Он прибавил, что в таких делах насилия избежать нельзя и пообещал провести перераспределение земли, освобождение от долгов и пополнение гражданского коллектива (Plut. Cleom. 10). Земля была поделена, четыре тысячи периэков получили статус спартиатов, и была восстановлена Ликургова система воспитания. Считалось, что возрождается Ликургов строй, хотя пустующий престол Еврипонтидов занял брат Агида Евклид (Plut. Cleom. 11).

Война продолжалась, и Клеомен покорил большую часть ахейских полисов; многие из них перешли на его сторону в надежде, что он распространит и на них реформы, проведенные в Спарте. Но когда ахейский вождь Арат в конечном счете заключил союз с могущественным македонским царем Антигоном Досоном и последний вторгся в Пелопоннес, большинство этих полисов, разочарованные уважением, которое спартанский завоеватель проявил к существовавшему в них status quo, скоро изменили ему и внесли свой вклад в быстрый разгром чрезмерно честолюбивого реформатора (Plut. Cleom. 12.1 sqq.).

В случае с Клеоменом спартанский народ – лишь аудитория для одной из речей царя, но все решается только с помощью интриги и заговора. Роль народа незначительна, так что речь не может идти ни о мобилизации масс, ни об освобождении

¹⁸ См. выше.

¹⁹ См. последнюю работу: *Lacy. Plutarco... P. CXLI–CXLIII.*

²⁰ Следует принимать в расчет следующее: хотя существует версия, что Агид имел сына (*Paus.* III. 12.5; VI.9.1), кажется, что если таковой и был, то он, должно быть, умер в младенчестве. Во всяком случае, его официальным опекуном был бы его отчим – Агиад Клеомен, поэтому казнь Агида повлекла конец диархии и превращение Спарты в монархию. Более того, посредством замужества вдовы Агида наследство Еврипонтидов было поглощено Агиадами, и, помимо этого, Клеомен получил возможность распоряжаться приданным своей жены.

народа. В то же время легко представить, что новоиспеченные спартиаты должны были быть фанатически преданы государственному деятелю, повысившему их статус и что они не могли освободиться от этого чувства.

4. Набид из-за своего прямого противостояния Риму, вероятно, не мог рассматриваться в положительном свете ни Плутархом, ни, по этой самой причине, любим другим историком. Его образ, дошедший до нас, очерчен Полибием. Однако поскольку часть его труда, имеющая отношение к Набиду, в основном утрачена, источники по его реформам включают Ливия и некоторых других историков, причем все они в конечном счете основываются на труде мегалопольца. Дальнейшее изложение представляет собой парафразу соответствующего раздела моей книги об эллинистических восстаниях²¹.

Последний спартанский реформатор стал царем в 206 г. до н.э., когда он, будучи регентом, приказал убить неизвестного по имени малолетнего царя и сам занял престол. Затем он начал лишать гражданских прав или изгонять аристократов и богачей. Были освобождены какие-то «рабы», вступившие в брак с женами и дочерьми изгнанников, и осуществлен передел земли. Упомянутые рабы, вероятно, были илотами, хотя нельзя исключать и рабов классического типа. Это образчик реформы, проведенной путем чисто авторитарного диктата. Вопрос об участии народа даже не возникает; кроме того, как и в случае с Клеоменом, освобожденные «рабы», должно быть, стали клиентами того, кому они были обязаны своей свободой.

Обобщим вышесказанное. Если исходить из строгого понятия революции, можно с уверенностью сказать, что ничего похожего в истории эллинистической Спарты не было. Политика была монополией элиты, и таков может быть единственный позитивный вывод из проделанного анализа. А как обстоит дело с широким понятием революции? Представляется своевременным теперь перейти к этому.

5. Вряд ли необходимо вновь пересказывать всю череду реформ. Достаточно задаться вопросом, вызвала ли какая-либо из них существенные и долгосрочные изменения в политической или социальной структуре Спарты. Кассация долгов Агидом уничтожила связи между должниками и кредиторами и, должно быть, имела определенное влияние на землевладение. Однако неизвестно, не отменил ли эту реформу Леонид, возвратившись к власти всего лишь год спустя, а он мог легко сделать это, попросту обратившись к устным свидетельствам.

Все реформы Клеомена в свою очередь были объявлены недействительными, когда Антигон взял Спарту в 222 г. (Plut. Cleom. 30.1). Поскольку переворот реформатора состоялся в 227 г., они продолжались пять лет. Если реформы Агида по-прежнему оставались в силе, то они тоже утратили ее через 20 лет после введения²². Что касается реформ Набида, то вначале они утратили силу в большей части Лаконии, отнятой у него Римом в 195 г. (примерно через 10 лет после его прихода к власти); в остальной части области они были отменены позже, когда Спарта была присоединена Филопеменом к Ахейскому союзу (Liv. XXXV. 37. 1–3; Plut. Philop. 15.4; Paus. VIII. 51.1), примерно через 17 лет после их введения.

Из этого беглого обзора выясняется, что спартанские государственные деятели могли предлагать реформы, но их судьба определялась извне, вначале Македонией, затем Римом и его более слабым союзником – Ахейской конфедерацией, так что истинными революционерами в широком смысле следует считать скорее Антигона Досона, Фламинина и Филопемена, чем Агида, Клеомена или Набида. Однако, если расширить перспективу, следует учитывать, что меры Антигона, рассматриваемые Плутархом как восстановление древней конституции, продержались, самое большее, лишь 16 лет; Филопемени было удачливее, так как Спарта оставалась в Ахейской конфедерации (будучи постоянным источником беспокойства) сорок три года. Подлин-

²¹ Lacy R.M. *Rebeliones populares en la Grecia helenística*. México, 1995. P. 160–168.

²² См. противоположное мнение: Shimron B. *Late Sparta. The Spartan Revolution 243–146 B.C.* Buffalo, 1972. P. 57–59. Ср. Lacy. *Rebeliones...* P. 148–153.

ное же изменение государственного устройства произошло в результате Ахейской войны, поскольку Спарта подпала под римское владычество. Это положение изменилось лишь тогда, когда крестоносцы захватили Пелопоннес в начале XIII в. н.э. Таким образом, именно Ахейскую войну следует считать действительно революционным событием в широком смысле этого выражения.

В любом случае, вне зависимости от того, какой смысл мы вкладываем в понятие «революция», период между реформами Агида (242 г.) и Ахейской войной (146 г.) надлежит рассматривать как время постепенного перехода от обособленной независимости к подчинению Риму, а не как век революций.

6. Возможно, уместно еще одно, последнее замечание.

В какой мере эти реформы определялись своеобразием спартанской конституции, а не влиянием новых тенденций, выявившихся в течение эллинистической эпохи? Исходя из толкования, предложенного выше, должно стать ясным, что спартанский мираж обеспечивал идеологическое подкрепление для всех группировок, кроме ахейцев. Это был традиционный аспект вопроса. С другой стороны, все свидетельства, какими бы недостаточными они ни были, единодушно сходятся на том, что Ликургов строй устарел и вышел из употребления (Plut. Agis. 3. 1; Cleom. 3.1–2; Phylarch. FGh 81 F 44). Поэтому, как представляется, тенденции развития греческого мира имели значительно большее влияние на эти реформы, чем местная традиция*.

P.M. Lacy

THE APPLICATION OF THE CONCEPT OF REVOLUTION TO THE REFORM OF AGIS, CLEOMENES AND NABIS AT SPARTA

R.M. Lacy

In this article my endeavour is to characterise the reforms that Agis, Cleomenes and Nabis effected at Sparta between 242 and 192 B.C. as well as to explore the way in which ancient historians should apply modern concepts. I have repeatedly argued that Plutarch's «Lives of Agis and Cleomenes», the most important source for these king's reforms cannot be taken at face value, so that I will also try to show that even if Plutarch's dubious testimony is considered truthful, the concept of revolution is ill-suited to define their reforms as well as those of Nabis.

What emerges from this quick revision is that Spartan statesmen could propose reforms, but their fate was determined from outside, first by Macedon, then by Rome and her weaker ally, the Achaean Confederacy, so that the true revolutionaries in this loose sense should be considered to be Antigonus Doseon, Flaminius and Philopoemen, rather than Agis, Cleomenes or Nabis.

In any case, no matter which sense of revolution is used, the period between Agis's reform (242) and the Achaean war (146) should be considered one of gradual transition from isolated independence to Roman subjection rather than a revolutionary age.

How far were these reforms determined by the peculiar nature of the Spartan constitution rather than by pressures from new trends that appeared during the Hellenistic period? By the explanation just made, it should be clear that the Spartan mirage provided ideological ammunition to all parties, except the Achaeans. This was the traditional facet of the question.

On the other hand, all the evidence however defective agrees unanimously that the Lycurgan constitution had become obsolete and had fell into disuse (Plut. Agis. 3.1; 5; Cleom. 3.1–2; Phylarch. FGh 81 F 44).

It seems then that current trends had a much larger weight than local tradition in these reforms.

* Перевод И.Е. Сурикова.